
ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО РОМАНА А. ГЕНИСА «ДОВЛАТОВ И ОКРЕСТНОСТИ»

Байбатырова Наиля Мунировна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: aulova83@mail.ru.

Статья посвящена авторскому жанру филологического романа писателя «третьей волны» эмиграции А. Гениса, воплощенного в произведении «Довлатов и окрестности». Анализу подвергнуты черты мемуарно-дневниковой литературы, которые переплетаются с эссеистическими признаками, поскольку А. Генис свободно трактует события советской истории и описывает внешнюю и внутреннюю грани жизнетворчества известного писателя и журналиста Сергея Довлатова. Рассматривается жанрово-стилистическое своеобразие романа, которое заключается в сочетании воссоздания культурного ландшафта 1970-х и 1990-х гг. и филологического взгляда автора на творчество писателя. Особое внимание автор статьи уделяет анализу филологических приемов в романе, направленном на широкую читательскую аудиторию. Несмотря на множественные литературные и лингвистические термины в произведении, они не воспринимаются читателем как нечто статично-тяжелое и узкопрофессиональное.

Ключевые слова: А. Генис, воспоминания, С. Довлатов, филологический роман, публицистика русского зарубежья, постмодернизм, авторский жанр, эссе, жанрово-стилистические особенности.

GENRE AND STYLISTIC ORIGINALITY OF A. GENIS' PHILOLOGICAL NOVEL "DOVLATOV AND VICINITIES"

Bajbatyrova Nailja M., Cand.Phil.Sc., Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, Tatischev St., 20a, e-mail: aulova83@mail.ru.

The article is devoted to the author's genre of the philological novel of the writer of «the third wave» of emigration A. Genis embodied in the work «Dovlatov and surroundings». The author analyzes features of memoirs and diary literature, which are intertwined with signs of essay, as A. Genis freely interprets the events of the Soviet history and describes the external and internal sides of life and creativity of well-known writer and journalist Sergei Dovlatov. The genre and stylistic originality of the novel which consists in a combination of reconstruction of the cultural landscape of the 1970s and 1990s and philological view of the author on the writer's creativity is considered. The author gives special attention to the analysis of philological methods in the novel directed on wide reader's audience. Despite multiple literary and linguistic terms in the work, they aren't perceived by the reader as something static, heavy and narrow professional.

Key words: A. Genis, memoirs, S. Dovlatov, the philology novel, publicism of Russian abroad, postmodernism, author's genres, essay, genre and stylistic features.

Гуманитарная проза писателя и публициста «третьей волны» русской эмиграции Александра Александровича Гениса включает несколько произведений, среди которых собрание восточных миниатюр «Темнота и тишина», теологическая фантазия «Трикотаж», ряд эссе на литературную и культурную тематику, а также филологический роман «Довлатов и окрестности». Филологический роман можно считать авторским синтетическим жанром А. Гениса, поскольку он включает формальные признаки автобиографии, дневниково-мемуарной публицистики, научной монографии, эссе.

Филологический роман – неслучайная форма для русского эмигранта, который уехал в США в молодом возрасте и профессионально сложился вдали от родины, однако навсегда остался филологом по призванию. До отъезда в Америку А. Генис закончил филологический факультет Латвийского университета. Сфера интересов писателя, эссеиста, литературоведа, критика, радиоведущего А. Гениса связана с русской литературой XIX–XX вв. и современной культурой.

Повествование филологического романа «Довлатов и окрестности» ведется в свободном исполнении автора. Основой послужили личные воспоминания и ощущения А. Гениса от общения с писателем Сергеем Донатовичем Довлатовым, с эмигрантским изданием которого он сотрудничал в течение нескольких лет. Детище С. Довлатова – газета «Новый американец» – стало платформой для профессионального общения А. Гениса и С. Довлатова в эмигрантской среде. Некоторые параллели можно провести между произведением «Довлатов и окрестности» и мемуарным «Романом без вранья» А. Мариенгофа, а также «Прогулками с Пушкиным» А. Синявского. Вместе с тем филологический роман – это не просто роман о писателях и поэтах и не просто литературная критика. Исследователь Владимир Новиков, анализируя феномен филологического романа, пишет: «Из нашего времени явственно видно, что любое очередное размывание границ романа неминуемо сменяется его последующей канонизацией. Присущее модернизму стремление рожать всякий раз не роман, не повесть, а «неведому зверюшку», изобретая в каждом опусе новый жанр, в переживаемой нами постмодернистской культурно-исторической стадии уступило место готовности писателей «вполне уложиться» в почтенную романную форму, обеспечивающую и причастность к культурному контексту, и надежду на простое прочтение: ведь именно романы всегда составляли львиную долю читательского потребления художественной словесности» [12, с.194].

Интимная субъективность, присущая А. Генису проникнута тонкими размышлениями о природе искусства и творчества. Некоторые ранее изданные им книги (например, «Вавилонская башня: искусство настоящего времени»), в том числе в соавторстве с П. Вайлем («Американа: Эмиграция в США», 1991; «Родная речь: урок изящной словесности. Сборник литературно-критических эссе», 1995; «Русская кухня в изгнании», 1995) также можно отнести к новому оригинальному жанру – «лирической культурологии». Однако роман «Довлатов и окрестности» стоит особняком, поскольку претендует на филологическую эпохальность. Отдельные из книг А. Гениса в 1980-е годы были изданы в Нью-Йорке, затем в 1990-е переизданы в России.

«Сегодня мемуары пишет и стар и млад. Повсюду идет охота на невымышленную реальность. У всех – горячка памяти», – начинает А. Генис, писатель и филолог, в творчестве которого мемуарный жанр занимает весьма важное место [7, с. 11]. Филологический роман имеет несколько повествовательных пластов: простой, забавный и смешной – для любопытного обывателя, историко-описательный – для интересующихся историей поколений, аналитический – для филологов (литературоведов, лингвистов). Обогащают сюжетно-стилистическую природу романа «Довлатов и окрестности» анекдоты из жизни русской эмиграции, свободная эссеистика и мастерски выстроенный сюжет. Помимо С. Довлатова в романе есть наброски и живые портреты Иосифа Бродского, Александра Солженицына, Андрея Синявского, Эдуарда Лимонова, Венедикта Ерофеева, художника и литератора-концептуалиста Вагрича Бахчаняна.

Как видим, А. Генис определил предмет своего повествования как «невымышленную реальность», подчеркивая тем самым документальную основу романа. Поскольку действие происходит в разные годы и в нескольких городах и даже странах, то топонимическая и хронотопическая канва произведения изменяются в соответствии с авторским восприятием действительности. «Автобиография в биографии» С. Довлатова и филологическое восприятие его творчества в исторической перспективе – оригинальный прием А. Гениса. В первой главе А. Генис подчеркивает наличие двух параллельных сюжетов: «У меня второй сюжет как раз и есть жизнь автора, моя жизнь» [7, с. 11]. Первая сюжетная линия – это, безусловно, жизнь С. Довлатова на фоне советской действительности.

Все грани филологических изысканий С. Довлатова обрисованы в простом и занимательном повествовании, полном изысков профессиональной писательской «кухни» и неожиданных сравнений: «Его интересовали те находки, что, как трюфели, избегали поверхности. Этой азартной охотой Довлатов заражал других. Мы часами обменивались цитатами из классиков, которыми гордились, как своими» [7, с. 27]. Несмотря на множественные литературные и лингвистические термины (синтаксис, очерк, падеж, риторический абзац), они не воспринимаются читателем как нечто статично-тяжелое и узкопрофессиональное. Филологическим делают роман и многочисленные литературные цитаты, аллюзии, реминисценции, игра языковыми средствами. А. Генис часто обращается к Набокову и Гоголю, Пушкину, мастерам древнекитайской философии, сравнивает С. Довлатова то с греческим поэтом Кавафисом, то с Хемингуэем. При этом бытие писательского таланта изображено и в условиях обыденности, гениальность предстает как результат ежедневного многочасового труда: «Писательство не оставляет просвета. Оно должно действовать с астрономическим постоянством. Автора и книгу соединяют особые причинно-следственные связи – как пол и шкаф. Вмятина, которую он оставляет на ковре, – результат постоянного давления» [7, с. 55].

Филологическая основа романа – это форма, которой умело пользуется автор, содержание же максимально связано с его личными переживаниями. Мировоззрение А. Гениса раскрывается через отношение к главному герою – коллеге по перу, единомышленнику, другу, кумиру С. Довлатову. Писатель не стесняется подчеркивать личностную природу, субъективизм и предвзятость произведения: «Книги о других пишут, когда нечего сказать о себе. В данном случае это не так. Я-то как раз ее пишу, рассчитывая поговорить о себе. Но чтобы забраться подальше, мне нужно дерево повыше» [7, с. 13]. Под «деревом повыше» автор подразумевает гений С. Довлатова. Необходимо отметить, что ранее в тандеме с Петром Вайлем А. Генисом уже были написаны рецензии и критические статьи на произведения С. Довлатова, которые публиковались в отечественной и зарубежной прессе. Например, «Литературная газета» неоднократно помещала статьи критического характера [6].

Довлатов – частный случай гения, вместе с тем более глобальный «герой» романа – поколение советских и эмигрантских писателей и еще шире – поколение советских людей. А. Генис подчеркивает: «Поколение, как субботник. Оно реализуется в массе. Меняется не индивидуальный стиль, а коллективные ценности – этические приоритеты, ритуалы, реакция на окружающее, окружающее» [7, с. 17].

Филологический роман как жанр – находка XX в., он получил разные трактовки: у Л. Гинзбург – это «промежуточный жанр» [8, с. 62], С. Чупринин именует его «субжанром» [16, с. 148–149]. Этот синтетический жанр становится реализацией теоретической мысли формалистов. М. Бахтин, Ю. Тынянов, В. Шкловский, В. Каверин, К. Вагинов так или иначе были причастны к появлению жанра филологического романа. Он рождается в ситуации скрещивания литературы с наукой. Возникновение филологического романа есть результат трансформации «соседнего» жанра – научной, критической статьи. Жанровое мышление в XX в. стало подвижно и изменчиво и уже не вписывалось в прежние схемы. В 1920–1940-е гг. филологическое исследование становится игровым, беллетристика – филологической. Затем на долгие десятилетия филологический роман был забыт, и только ситуация постмодернизма породила новые образцы анализируемого жанра. Традиция филологического романа воскресла в литературе 1980–1990-х гг. и особенно ярко выразилась в творчестве писателей русского зарубежья.

Объем филологического романа «Довлатов и окрестности» невелик в сравнении с классическими жанровыми канонами. Объективно это мемуарная проза, эссе, увеличенные до размеров романа. Однако хронотопическое многообразие позволяет охватить целую эпоху и несколько географических точек. Что касается определения «филологический», то длительное время оно в применении к художественной прозе не имело позитивной контаминации и оценивалось скептически. «Филологичность» долгие годы была для общественно-литературного сознания синонимом бездушной

книжности, вторичности, вымученности. Ситуация изменилась с начала 1990-х гг., когда постмодернистская проза одновременно отказалась от оперативно-публицистических обязанностей и вышла за пределы социально-политической сферы. «Политику заменила поэтика, а кто же поймет и оценит поэтику кроме филологов», – пишет литературовед В.И. Новиков [12, с. 194]. Он называет А. Гениса литературным журналистом экстра-класса: «Кого в Европе можно в этом качестве поставить рядом с ним? Разве что Петра Вайля. Вести в нынешних антикультурно настроенных СМИ такой филологичный разговор о литературе, да еще сочетая его с демократической доступностью, – задача не менее трудная, чем было некогда пробивание крамольных идей и имен в подцензурных условиях» [12, с. 194–195].

Именно журналистская техника летучего письма помогла А. Генису написать свободный, занимательный, интересный как для специалистов, так и для широкого круга читателей роман, где мемуарные свидетельства плавно перетекают в раздумья о довлатовском типе творчества, о парадигме литературной профессии и судьбы. Слово «роман» в подзаголовке уместно по многим причинам. Прежде всего, это всеохватность и множественный сюжет, во-вторых, имеющаяся доля филологизма включена в контекст произведения и не производит впечатление академического педантизма, как, например, в любой научной монографии.

Получив жанровое определение – роман, это произведение претендует на требования большие, чем простой синтез мемуаров и эссеистики. С. Довлатов как автор короткого жанра сам по себе был романским героем, личность его отчасти исторически монументальна и предполагает именно романное исследование и изложение. Вышеупомянутый исследователь В.И. Новиков пишет: «Блестящий же монолог Гениса стремительно скачет по горизонтали. Карл Краус сказал, что тому, кто умеет придумывать афоризмы, незачем писать романы. Это изречение обычно цитируется как апология афоризма, но можно увидеть здесь и иной поворот смысла: афористическая манера, столь эффектная в эссеистике, на романной дистанции может оказаться тормозом композиционной динамики. Афоризмы вновь и вновь начинают разговор с нуля, красиво закругляют любое противоречие, не давая в него вдуматься и вжиться. И сам автор при внешней раскованности держит душу застегнутой на все пуговицы, отнюдь не раскрывая свою личность полнее, чем делает он это в передачах радио "Свобода", в коротеньких журнально-газетных эссе или же в процессе тусовочного общения» [12, с. 195].

Идейно-тематическая нагрузка романа «Довлатов и окрестности» связана с посвящением читателя в писательскую мастерскую гения. Есть и другие важные вопросы, которые затрагиваются в книге. Каково находиться рядом с великим человеком? Как уживаются гений в человеке и человек в гении? Воспоминания А. Гениса о С. Довлатове легкие и светлые, они написаны дружественным, лишенным дотошной критики и зависти, качественным и профессиональным языком коллеги героя, личности, которая читается за строчками как человек уходящего поколения писателей-эмигрантов. Писательское, человеческое, мужское обаяние С. Довлатова изображены через призму филологии в широком понимании этого слова. Это и мемуары, и отчасти биографический роман, и литературный очерк о творчестве С. Довлатова.

Исповедальность А. Гениса интересна тем, что он исследует некий культурный феномен – судьбу и ментальные особенности людей последнего советского поколения – сквозь призму конкретной личности – писателя и публициста С. Довлатова. Для А. Гениса главный герой – не только талантливый писатель, но прежде всего – обычный человек, «человек из окрестности», провинциал в хорошем понимании этого слова. Довлатовская история воссоздает культурную судьбу российского общества последней трети XX в.

При всей жанровой многозначности книги А. Гениса («лирическая культурология», «филологический роман», эссе) «Довлатов и окрестности» – это прежде всего мемуары. Выбор С. Довлатова в качестве главного героя повествования обусловлен в первую очередь субъективными обстоятельствами – личная дружба, совместно проведенное время и общие творческие проекты, корпоративные интересы, общие знакомые. В книге «Довлатов и окрестности» на первый план выведены не события или персоны, но размышления о жизни и творчестве, наблюдения над человеческой пси-

хикой, языком. Читатель получает большое удовольствие от стилистической выверенности, стройности изложения мыслей. Автор книги – филолог, мастер изящной словесности, человек, который тонко чувствует и понимает смысл каждого слова и предложения, поэтому идея и композиция филологического романа А. Гениса так полифоничны. Это оригинальный манифест новой словесности.

Подробности жизни С. Довлатова, описанные в романе, комичны и трагичны одновременно, они же переплетаются с анализом его лучших произведений. Среди многомерности масок лирического героя и лирических персонажей, представленных в произведении, зачастую трудно отделить Довлатова-писателя от Довлатова-друга, сына, отца, коллеги, а порой запугавшегося человека с недостатками и земными грехами. А. Генис не ставит задачей идеализировать героя, рассказывая о странностях его характера, проблемах с алкоголем в последние годы жизни. Подчас истории из «Довлатова и окрестностей» напоминают литературный анекдот, жанр, в котором Сергей Донатович вполне преуспел. Вслед за Довлатовым А. Генис позволяет себе шутки, встречается даже «черный» юмор: «Говорят, что полностью от акцента избавиться можно только в тюрьме. Тем, кто не сидел, хуже» [7, с. 78]. Довлатов создал собственный миф и стал легендой советского Ленинграда, Таллинна, Нью-Йорка, выразив специфический писательский колорит. В городах, пронизанных духом творчества С. Довлатова – Санкт-Петербурге и Таллинне, установлены мемориальные доски писателю, в честь С. Довлатова названа литературная Довлатовская премия, вручаемая журналом «Звезда». Филологический роман «Довлатов и окрестности» А. Гениса стал своеобразным литературным монументом писателю, издателю, журналисту.

Таким образом, жанрово-стилистическое своеобразие романа «Довлатов и окрестности» заключается в сочетании воссоздания культурного ландшафта 1970-х и 1990-х гг. и филологического взгляда автора на творчество писателя. Книга А. Гениса – это и жизнеописание С. Довлатова, и своего рода энциклопедия русского отечественного и эмигрантского литературного быта тех лет. Структурно это ряд блистательных очерков, в которых Ленинград, Рига, Нью-Йорк и уже Санкт-Петербург все время меняются местами.

В целом для филологического романа А. Гениса «Довлатов и окрестности» характерны установка на полемику, приглашение читательской аудитории к соразмышлению, стремление уйти от назидательности, высокий литературный уровень. Использование каламбуров, гротесков, неожиданных сравнений позволяет быстро найти контакт с читателем, достигнуть непринужденности в книжном общении. Причем ирония и сатира выступают у автора русского зарубежья в форме интеллектуальной игры словом, порой в намеренном сопоставлении и сталкивании логического и алогичного, нормального и абсурдного.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости / С. С. Аверинцев // Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М., 1996. – 448 с.
2. Базанова А. Е. Теория публицистики и литературно-художественной критики / А. Е. Базанова. – М. : РУДН, 2009. – 108 с.
3. Беневоленская Н. Специфика постмодернистского мироощущения / Н. Беневоленская. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2003. – 16 с.
4. Богданова О. В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XX века – начало XXI века) : учеб. пос. / О.В. Богданова. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2004. – 716 с.
5. Большев А. Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века / А. Большев. – СПб., 2002. – 170 с.
6. Вайль П. Хранитель алфавита: [С. Довлатов: Предисл.] / П. Вайль. А. Генис // Литературная газета. – 1990. – 12 сентября (№ 37). – С. 8.
7. Генис А. Три: Личное / А. Генис. – М. : Подкова : ЭКСМО, 2002. – 456 с.
8. Гинзбург Л. О документальной литературе и принципах построения характера / Л. Гинзбург // Вопросы литературы. – 1970. – № 7. – С. 62–91.

9. Ланин Б. А. Проза русской эмиграции (третья волна) : пос. для преподавателей литературы / Б. А. Ланин. – М. : Новая школа, 1997. – 205 с.
10. Литература русского зарубежья (1920–1990) : учеб. пос. / под общ. ред. А. И. Смирновой. – М. : Флинта : Наука, 2006 – 640 с.
11. Машинский С. О мемуарно-автобиографическом жанре / С. Машинский // Вопросы литературы. – 1960. – № 6. – С. 129–145.
12. Новиков В. И. Филологический роман. Старый новый жанр на исходе столетия / В. И. Новиков // Новый мир. – 1999. – № 10. – С. 193–205.
13. Сергеев В. К. Современное русское зарубежье : в 7 т. / В. К. Сергеев, В. Н. Иванов. – М. : Серебряные нити, 2008. – Т. 4. Публицистика – 480 с.
14. Смольнякова И. Л. О принципах классификации современной мемуарной литературы / И. Л. Смольнякова // Проблемы реализма. – Вологда, 1979. – Вып. 6. – С. 152–164.
15. Флоренский П. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П. Флоренский. – М. : Прогресс, 1993. – 321 с.
16. Чупринин С. Жанры и субжанры литературные / С. Чупринин // Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. – М. : Время, 2007. – 768 с.
17. Эсалнек А. Я. Внутрижанровая типология и пути ее изучения / А. Я. Эсалнек. – М. : Изд-во МГУ, 1985. – 183 с.

References

1. Averincev S. S. Zhanr kak abstrakcija i zhanry kak real'nost': dialektika zamknutosti i razomknutosti // Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj tradicii. – М., 1996. – 448 s.
2. Bazanova A. E. Teorija publicistiki i literaturno-hudozhestvennoj kritiki. – М. : RUDN, 2009. – 108 s.
3. Benevolenskaja N. Specifika postmodernistskogo miroowuwenija. – SPb. : Filol. fak. SPbGU, 2003. – 16 s.
4. Bogdanova O.V. Postmodernizm v kontekste sovremennoj russkoj literatury (60–90-e gody XX veka – nachalo XXI veka) : ucheb. pos. – SPb. : Filol. fak. SPbGU, 2004. – 716 s.
5. Bol'shev A. Ispovedal'no-avtobiograficheskoe nachalo v russkoj proze vtoroj poloviny XX veka. – SPb., 2002. – 170 s.
6. Vajl' P., Genis A. Hranitel' alfavita: [S. Dovlatov: Predisl.] // Literaturnaja gazeta. – 1990. – 12 sentjabrja (№ 37). – S. 8.
7. Genis A. Tri: Lichnoe. – М. : Podkova : JeKSMO, 2002. – 456 s.
8. Ginzburg L. O dokumental'noj literature i principah postroenija haraktera // Voprosy literatury. – 1970. – № 7. – S. 62–91.
9. Lanin B.A. Proza russkoj jemigracii (tret'ja volna) : pos. dlja prepodavatelej literatury. – М. : Novaja shkola, 1997. – 205 s.
10. Literatura russkogo zarubezh'ja (1920–1990) : ucheb. posobie / pod obw. red. A. I. Smirnovoj. – М. : Flinta : Nauka, 2006. – 640 s.
11. Mashinskij S. O memuarно-avtobiograficheskom zhanre // Voprosy literatury. – 1960. – № 6. – S. 129–145.
12. Novikov V. I. Filologicheskij roman. Staryj novyj zhanr na ishode stoletija // Novyj mir. – 1999. – № 10. – S. 193–205.
13. Sergeev V. K., Ivanov V. N. Sovremennoe russkoe zarubezh'e : v 7 t. – М. : Serebrjanye niti, 2008. – Т. 4. Publicistika. – 480 s.
14. Smol'njakova I. L. O principah klassifikacii sovremennoj memuarноj literatury // Problemy realizma. – Vologda, 1979. – Vyp. 6. – S. 152–164.
15. Florenskij P. Analiz prostranstvennosti i vremeni v hudozhestvenno-izobrazitel'nyh proizvedenijah. – М. : Progress, 1993. – 321 s.
16. Chuprinin S. Zhanry i subzhanry literaturnye // Russkaja literatura segodnja: Zhizn' po ponjatijam. – М. : Vremja, 2007. – 768 s.
17. Jesalneк A. Ja. Vnutrizhanrovaja tipologija i puti ee izuchenija. – М. : Izd-vo MGU, 1985. – 183 s.

**“THE DREAM OF EUGENE ARAM, THE MURDERER” ТОМАСА ГУДА
В ОСМЫСЛЕНИИ М.Л. МИХАЙЛОВА, В.П. БУРЕНИНА
И В.Д. КОСТОМАРОВА (специфика творческих интерпретаций)¹**

Жаткин Дмитрий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Пензенская государственная технологическая академия, 440039, Россия, г. Пенза, проезд Байдукова / ул. Гагарина, д. 1а/11; академик, Международная академия наук педагогического образования, 127051, Россия, г. Москва, Малый Сухаревский переулок, д. 6; почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, e-mail: ivb40@yandex.ru.

Холодкова Юлия Владимировна, старший преподаватель, Пензенская государственная технологическая академия, 440039, Россия, г. Пенза, проезд Байдукова / ул. Гагарина, д. 1а/11, e-mail: Julia.kholodkova@yandex.ru.

В статье осуществлен сравнительный анализ оригинального текста поэмы Томаса Гуда “The Dream of Eugene Aram, the Murderer” («Сон Юджина Эррема, убийцы», 1829) и ее русских переводов, выполненных в 1860-е гг. М.Л. Михайловым, В.П. Бурениным и В.Д. Костомаровым. Перевод В.П. Буренина, получивший в России наибольшую известность, имеет как несомненные достоинства, выражающиеся в мастерском сохранении художественных деталей, характерной тональности описания, так и существенные недостатки, основной из которых – привнесение излишней описательности в предельно лаконичный текст подлинника. В удачном переводе В.Д. Костомарова чувствуется некоторая невыдержанность, поспешность в выборе лексико-семантических средств, произвольность отдельных трактовок; прозаический перевод М.Л. Михайлова буквален, не относится к творческим достижениям интерпретатора. Авторами статьи выявляется комплекс причин, приведших к многократному обращению русских переводчиков к “The Dream of Eugene Aram, the Murderer” Томаса Гуда в 1860-е гг. и к практически полному забвению этого произведения в последующий период литературного развития.

Ключевые слова: Томас Гуд, поэтический перевод, поэма, русско-английские литературные связи, компаративистика, художественная деталь.

**TOMAS HOOD’S “THE DREAM OF EUGENE ARAM, THE MURDERER”
IN COMPREHENSION OF M.L. MIKHAILOV, V.P. BURENIN
AND V.D. KOSTOMAROV (the specificity of creative interpretations)**

Zhatkin Dmitry N., Doctor of Philology, Professor, Penza State Technological Academy, 440039, Russia, Penza, pr. Baidukova / Gagarin st., 1a/11; Academician, International Academy of Sciences of Pedagogical Education, 127051, Russia, Moscow, per. Maly Sukharevsky, 6; Honourable Worker of Higher Vocational Education of the Russian Federation, Honourable Worker of Science and Technics of the Russian Federation, Member of the Union of Writers of Russia, Member of the Union of Journalists of Russia, e-mail: ivb40@yandex.ru.

Holodkova Julia V., Senior Lecturer, Penza State Technological Academy, 440039, Russia, pr. Baidukov / Gagarin st., 1a/11; Penza, e-mail: Julia.kholodkova@yandex.ru

The article deals with the comparative analysis of the original version of Th. Hood’s poem “The Dream of Eugene Aram, the Murderer” 1829, and its Russian versions translated in 1860s by M.L. Mikhailov, V.P. Burenin and V.D. Kostomarov. V.P. Burenin’s

¹ Статья подготовлена по проекту 2010-1.2.2-303-016/7 «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствоведение» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (госконтракт 14.740.11.0572 от 05.10.2010).